

Марксистская теория общественного разделения труда

На предыдущем занятии, посвященном отношениям собственности, мы обратились к известному выводу Маркса и Энгельса о том, что «коммунисты могут выразить свою коммунистическую теорию одним положением: уничтожение частной собственности».

В связи с этим мы выяснили, что понятие собственность в марксистской теории употребляется в двух значениях. Во-первых, как принадлежность имущества кому-либо, а, во-вторых, в смысле исторически меняющегося способа присвоения имущества, т.е. каким способом оно становится чьим-то. Во втором значении это понятие применяется тогда, когда речь идет об отношениях собственности.

В советский период средствами массовой пропаганды в массовое сознание было внедрено понимание собственности лишь как принадлежности имущества кому-либо, а частная собственность понималась лишь как принадлежность средств производства частным лицам. И ныне такое упрощенное понимание собственности является наиболее распространенным среди коммунистов. Второе же значение термина совершенно упускается.

Это упущение, как представляется, и привело некоторых марксистов к весьма странным выводам. Например, что достаточно пролетариату взять власть и передать средства производства и землю в собственность пролетарского государства, как все капиталистические экономические категории превращаются в свою противоположность. Буд-то бы пролетарское государство – это народное государство и поэтому частная собственность на источники существования сразу уничтожается. Они становятся общенародными. Этот перл принадлежит Н.И. Бухарину. Затем его взял на вооружение товарищ Сталин. Он распространен и сейчас среди сторонников сталинских идей. Среди них есть даже такие, которые считают, что частная собственность - это понятие классовое, следовательно, вначале появились классы, которые и породили частную собственность. Поэтому для уничтожения частной собственности, прежде всего, необходимо уничтожить классы. Тогда частная собственность отомрет сама. Аналогично рассуждали еще при жизни основоположников анархисты-бакунисты, когда призывали вначале уничтожить не капитализм, а государство, тогда капитализм отомрет сам.

Все эти далекие от марксизма конструкции рушатся, если частную собственность рассматривать не только как принадлежность источников существования кому – либо, но, прежде всего, как отношения между индивидами по поводу присвоения этих источников, а также предметов потребления. При этом, согласно марксистской теории, присвоение может быть общим (прямым) и частным, опосредствованным.

На прошлом семинаре мы определили, что прямое присвоение - это присвоение продуктов, а не товаров. Оно осуществляется прямо и непосредственно для удовлетворения потребностей без посредника в виде товарно-денежного обмена.

По мнению основоположников коммунистической теории, прямое присвоение существовало в первобытно-коммунистической формации. Также прямо будет осуществляться присвоение и при полном коммунизме.

Присвоение, опосредствованное товарно-денежным обменом из-за общественного разделения труда, образует отношения частной собственности, частного присвоения. Поэтому Маркс утверждал, « **что разделение труда и обмен суть формы частной собственности**», т.е. частного присвоения.

Содержание отношений частной собственности раскрыто Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии». В этом совместном труде они пришли к выводу что: **«Различные ступени в развитии разделения труда являются вместе с тем и различными формами собственности, т. е. каждая ступень разделения труда определяет также и отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда...».**

Приведенное марксистское положение надо понимать так, что различные ступени развития разделения труда представляют собой различные исторические этапы отношений частного присвоения, т.е. частной собственности.

Вот почему они и пришли к выводу, что для уничтожения частной собственности, читая отношений частного присвоения, необходимо, прежде всего, преодолеть общественное разделение труда, из-за которого общество и делится на классы эксплуататоров и эксплуатируемых. Энгельс прекрасно это сформулировал в «Анти-Дюринге». Он писал: **«Разделение общества на классы эксплуатирующий и эксплуатируемый, господствующий и угнетенный было неизбежным следствием прежнего незначительного развития производства. Пока совокупный общественный труд дает продукцию, едва превышающую самые необходимые средства существования всех, пока, следовательно, труд отнимает все или почти все время огромного большинства членов общества, до тех пор это общество неизбежно делится на классы... Следовательно, в основе деления на классы лежит закон разделения труда.** (См. Анти - Дюринг. С. 286).

Но что такое разделение труда? Раскрытию содержания этого понятия и посвящается сегодняшнее занятие.

Прежде всего, отмечу, что это понятие раскрывается в таких совместных трудах классиков как «Немецкая идеология» и «Манифест коммунистической партии», в «Критике Готской программы» Маркса, в его 1-м томе «Капитала», в «Анти-Дюринге» Энгельса и в его же «Происхождении семьи, частной собственности и государства».

Следует иметь в виду, что идея необходимости преодоления общественного разделения труда с целью ликвидации неравенства и условий для ограбления и гнета одних другими принадлежит не Марксу и не Энгельсу. Она принадлежит французскому социалисту Шарлю Фурье. В 1829 г. он написал труд под названием «Новый хозяйственный социетарный мир». В нем он утверждал, что первичной ячейкой нового общества должна стать «фаланга», сочетающая промышленное и сельскохозяйственное производство. Фалангой Фурье называл общину 1600 – 1800 человек. Фурье высказывал представления о будущем обществе, в котором будут ликвидированы противоположности между умственным и физическим трудом. Этой же позиции придерживался и шотландский социалист Р.Оуэн.

Маркс и Энгельс идеи Фурье и Оуэна обосновали научно и развили их в своей теории.

Вначале с понятием «разделение труда» Маркс и Энгельс определились в «Немецкой идеологии». В этом труде основоположники коммунистической теории отмечали, что **«племенное, сознание получает свое дальнейшее развитие благодаря росту производительности, росту потребностей и лежащему в основе того и другого росту населения. Вместе с этим развивается и разделение труда, которое вначале было лишь разделением труда в половом акте, а потом - разделением труда, совершившимся само собой или "естественно возникшим" благодаря природным задаткам (например, физической силе), потребностям, случайностям и т. д. и т. д. Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда...**

Впрочем, совершенно безразлично, - продолжают Маркс и Энгельс, - что предпримет само по себе сознание; из всей этой дряни мы получаем лишь один вывод, а именно, что три указанных момента - производительная сила, общественное состояние и сознание - могут и должны вступить в противоречие друг с другом, ибо разделение труда делает возможным - более того: действительным, - что духовная и материальная деятельность,

наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов...

Вместе с разделением труда, содержащим все указанные противоречия и покоящимся, в свою очередь, на естественно возникшем разделении труда в семье и на распаде общества на отдельные, противостоящие друг другу семьи, - вместе с этим разделением труда дано в то же время и распределение, являющееся притом - как количественно, так и качественно - неравным распределением труда и его продуктов; следовательно, дана и собственность, зародыш и первоначальная форма которой имеется уже в семье, где жена и дети - рабы мужчины».

В этой совместной работе основоположники коммунистической теории пришли к выводу, что общественное разделение труда обусловлено уровнем развития производительных сил общества, а, следовательно, уровнем производства жизненных средств. Они выявили зависимость уровня развития производительных сил от степени развития разделения труда. В результате они вывели: «Уровень развития производительных сил нации обнаруживается всего нагляднее в том, в какой степени развито у нее разделение труда. Всякая новая производительная сила, - поскольку это не просто количественное расширение известных уже до того производительных сил (например, возделывание новых земель), - влечет за собой дальнейшее развитие разделения труда.

В 1 томе «Капитала» в XII главе, названной: «Разделение труда и мануфактура» Маркс анализирует разделение труда внутри мануфактуры и разделение труда внутри общества. Он начинает исследование с определения исходных пунктов возникновения и развития разделения труда внутри общества. Он пишет: «Разделение труда внутри общества и соответственное ограничение индивидуума сферой определенной профессии имеет, как и разделение труда внутри мануфактуры, две противоположные исходные точки развития. В пределах семьи, а с дальнейшим развитием в пределах рода - естественное разделение труда возникает вследствие половых и возрастных различий, т.е. на чисто физиологической почве, и оно расширяет свою сферу с расширением общественной жизни, с ростом населения, особенно же с появлением конфликтов между различными родами и подчинением одного рода другим.

С другой стороны, ... обмен продуктами возникает в тех пунктах, где приходят в соприкосновение различные семьи, роды, общины, потому что вначале человеческой культуры не отдельные индивидуумы, а семьи, роды и т.д. вступают между собой в сношения как самостоятельные единицы.

Различные общины находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются, поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это - те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а, следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары. Обмен не создает различия между сферами производства, но устанавливает связь между сферами, уже различными, и превращает их в более или менее зависимые друг от друга отрасли совокупного общественного производства. Здесь общественное разделение труда возникает посредством обмена между первоначально различными, но не зависимыми друг от друга сферами производства. Там, где исходный пункт образует физиологическое разделение труда, особые органы непосредственно связного целого разъединяются, разлагаются, - причем главный толчок этому разложению дает обмен товарами с чужими общинами, - и становятся самостоятельными, сохраняя между собой лишь ту связь, которая устанавливается между отдельными работами посредством обмена их продуктов в качестве товаров. В одном случае утрачивает самостоятельность то, что раньше было самостоятельным, а в другом случае приобретает самостоятельность раньше несамостоятельное. (См. Маркс К. Капитал. Т.1. М. 1973. С.С. 363, 364, 365).

Следовательно, в ходе исторического развития естественное разделение труда переросло в разделение труда общественное. И Маркс показывает как это происходило. Он отмечает: «В обществе, продукты которого, как общее правило, принимают форму товаров, т.е. в обществе товаропроизводителей, это качественное различие видов

полезного труда, которые здесь выполняются независимо друг от друга, как частное дело самостоятельных производителей, развивается в многочленную систему, в общественное разделение труда». (См. Маркс К. Капитал. Т.1. М. 1973. С. 51).

Разделение общественного производства на его крупные роды, такие как земледелие, промышленность и т.д. Маркс называл «общим (im Allgemeinen) разделением труда, распадение этих родов производства на виды и подвиды - частным (im Besonderen) разделением труда, а разделение труда внутри мастерской – единичным (Im Einzelnen) разделением труда». (См. там же).

Ранее в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс проследили, как исторически менялось разделение труда в процессе развития производительных сил, то есть орудий производства и человека. Они пришли к выводу, что разделение труда между городом и деревней в самой значительной степени определило производство продуктов отдельными производителями, что вызвало к жизни необходимость быстрого развития обмена, отношений купли и продажи. Поэтому противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности. Они записали: **«Наибольшее разделение материального и духовного труда, – это отделение города от деревни. Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству, от местной ограниченности к нации и проходит через всю историю цивилизации вплоть до нашего времени...»**

Вместе с городом появляется и необходимость администрации, полиции, налогов и т. д. – словом, общинного политического устройства [des Gemeindewesens], а тем самым и политики вообще. Здесь впервые обнаружилось разделение населения на два больших класса, непосредственно основанное на разделении труда и на орудиях производства. Город уже представляет собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем как в деревне наблюдается диаметрально противоположный факт – изолированность и разобщенность. Противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности. Она выражает в наиболее резкой форме подчинение индивида разделению труда и определенной, навязанной ему деятельности, – подчинение, которое одного превращает в ограниченное городское животное, а другого – в ограниченное деревенское животное и ежедневно заново порождает противоположность между их интересами. Труд здесь опять-таки самое главное, он есть та сила, которая стоит над индивидами; и пока эта сила существует, до тех пор должна существовать и частная собственность. Уничтожение противоположности между городом и деревней есть одно из первых условий общественного единства, – условие, которое, в свою очередь, зависит от множества материальных предпосылок и которое, как это видно уже с первого взгляда, не может быть осуществлено одной только волей... Отделение города от деревни можно рассматривать также и как отделение капитала от земельной собственности, как начало независимого от земельной собственности существования и развития капитала, т. е. собственности, основанной только на труде и обмене».

Позже в 1 томе «Капитала» Маркс окончательно сформулирует: **«Основой всякого развитого и товарообменом опосредствованного разделения труда является отделение города от деревни. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности»...**

В ходе исторического развития производительных сил общественное разделение труда рабовладельческого общества было заменено более совершенным феодальным общественным разделением труда и феодальными классами.

В нисходящей фазе развития феодализма происходит торможение развития производительных сил, а, следовательно, производства и производительности труда. Все это приводит к разложению уже феодальных связей.

Мелкие частные производители феодального общества (цеховые мастера, ремесленники) все более и более отдаляются друг от друга. Одни из них разоряются и идут наниматься к другим, которые с помощью отношений купли и продажи смогли накопить определенное количество денег. Постепенно упразднялась крепостная зависимость, распускались феодальные свиты, разорялись многие ремесленники, появлялась свободная рабочая сила, которую покупали предприимчивые дельцы, сумевшие накопить нужные суммы и встать во главе мануфактуры. **«Сосредоточение значительного числа**

рабочих под командой одного и того же капитала, - указывает Маркс, - образует естественный исходный пункт как кооперации вообще, так и мануфактуры... Мануфактурное разделение труда путем расчленения ремесленной деятельности, специализации орудий труда, образования частичных рабочих, их группировки и комбинирования в один совокупный механизм создает качественное расчленение и количественную пропорциональность общественных процессов производства, т.е. создает определенную организацию общественного труда и вместе с тем развивает новую, общественную производительную силу труда». Так произошло зарождение и развитие капиталистического разделения труда, появление буржуазного класса и класса пролетариев. Укрупняя свои производства, развивавшаяся буржуазия все более и более производит продукцию как товар для продажи.

Показывая процесс развития общественного разделения труда при переходе от феодального способа производства и обмена к капитализму, Маркс и Энгельс в «Манифесте коммунистической партии» отмечали: «Прежняя феодальная, или цеховая, организация промышленности более не могла удовлетворить спроса, возраставшего вместе с новыми рынками, место ее заняла мануфактура. Цеховые мастера были вытеснены промышленным средним сословием; разделение труда между различными корпорациями исчезло, уступив место разделению труда внутри отдельной мастерской». (См. Манифест коммунистической партии. С. 26).

В 1 томе «Капитала» Маркс продолжает эту мысль следующим образом: «Так как товарное производство и товарное обращение являются общей предпосылкой капиталистического способа производства, то мануфактурное разделение труда требует уже достигшего известной степени зрелости разделения труда внутри общества. Напротив, путем обратного воздействия мануфактурное разделение труда развивает и расширяет общественное разделение труда. По мере дифференцирования орудий труда все более и более дифференцируются и те отрасли производства, в которых эти орудия изготавливаются».

В «Немецкой идеологии» в разделе «Самое широкое разделение труда. Крупная промышленность», Маркс и Энгельс разъясняют: «Неудержимо развивавшаяся в XVII столетии концентрация торговли и мануфактуры в одной стране – в Англии – мало-помалу создала для этой страны относительный мировой рынок, а тем самым – такой спрос на ее мануфактурные продукты, который уже не мог быть удовлетворен при помощи прежних промышленных производительных сил. Этот переросший производительные силы спрос и явился той движущей силой, которая вызвала третий со времени средневековья период в развитии частной собственности, породив крупную промышленность – использование сил природы для промышленных целей, машинное производство и самое широкое разделение труда».

Рассматривая роль мировой конкуренции в уничтожении естественного разделения труда и формировании мирового общественного разделения труда Маркс и Энгельс, пишут: «Она подчинила естествознание капиталу и лишила разделение труда последних следов его естественного характера. Она вообще уничтожила все естественно сложившиеся отношения - насколько это возможно в рамках труда - и превратила их в отношения денежные».

С точки зрения социальной психологии Маркс и Энгельс выявили, что пока разделение деятельности совершается не добровольно, а стихийно, когда человеку навязывается какой-нибудь исключительный круг деятельности для добывания средств к жизни, собственная деятельность человека становится для него чуждой, угнетающей силой. Вот как это выражено в «Немецкой идеологии»: «И, наконец, разделение труда дает нам сразу же первый пример того, что пока люди находятся в стихийно сложившемся обществе, пока, следовательно, существует разрыв между частным и общим интересом, пока, следовательно, разделение деятельности совершается не добровольно, а стихийно, – собственное деяние человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того чтобы он господствовал над ней. Дело в том, что как только начинается разделение труда, у каждого появляется какой-нибудь определенный, исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти: он –

охотник, рыбак или пастух, или же критический критик и должен оставаться таковым, если не хочет лишиться средств к жизни...».

Именно разделением труда обусловлены противоречия интересов отдельного индивида или отдельной семьи интересам всего общества. В этой связи Маркс и Энгельс отметили, что «вместе с разделением труда дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом; притом этот общий интерес существует не только в представлении, как "всеобщее", но, прежде всего он существует в реальной действительности в качестве взаимной зависимости индивидов, между которыми разделен труд».

Исследованию проблемы разделения труда посвящена и более поздняя работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Hottingen – Zurich. 1884 г.). В ней он использовал исторические открытия Моргана о развитии первобытно-общинных отношений, опубликованные в 1877 г.

На основании этих открытий Энгельс приходит к выводу, что первое крупное естественное разделение труда заключалось в отделении пастушеских племен от остальной массы варваров. Появляются излишки продуктов, а вместе с ними предпосылки для возникновения и развития обмена. Первое крупное разделение труда привело к необходимости увеличения количества рабочей силы. Пленных стали превращать в рабов и произошло первое разделение общества на класс господ и класс рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых.

Вторым крупным естественным разделением труда было отделение ремесла от земледелия. **«С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, - указывает Энгельс в названной выше работе, - возникает производство непосредственно для обмена, - товарное производство, а вместе с ним и торговля, причем не только внутри племени и на его границах, но уже и с заморскими странами».** Происходило постепенное формирование ремесленников и крестьян. Город постепенно отделялся от деревни, физический труд отделялся от труда умственного. В связи с этим усиливалась необходимость обмена. Поэтому возникли и стали развиваться отношения купли и продажи. Стала развиваться торговля. Но все это пока в зачаточном состоянии. Таким образом, естественное разделение труда привело к появлению товарного производства и товарно-денежного обмена.

«Цивилизация, - пишет далее Энгельс, - принесла и третье разделение труда решающего значения. Цивилизация упрочивает и усиливает все эти возникшие до нее виды разделения труда, особенно путем обострения противоположности между городом и деревней (причем экономически господствовать может город над деревней, как это было в древности, или же деревня над городом, как это было в средние века), и присоединяет к этому третье, свойственное лишь ей, разделение труда решающего значения - создает класс, который занимается уже не производством, а только обменом продуктов, а именно купцов. До сих пор причины образования классов были связаны еще исключительно с производством; они вели к разделению занятых в производстве людей на руководителей и исполнителей или же на производителей большего и меньшего масштаба. Здесь впервые появляется класс, который, не принимая никакого участия в производстве, захватывает в общем и целом руководство производством и экономически подчиняет себе производителей, становится неустранимым посредником между каждыми двумя производителями и эксплуатирует их обоих. Под предлогом избавления производителей от труда и риска, связанных с обменом, расширения сбыта их продуктов вплоть до самых отдаленных рынков и создания тем самым якобы наиболее полезного класса населения образуется класс паразитов, класс настоящих общественных туеядцев, который в вознаграждение за свои в действительности весьма незначительные услуги снимает сливки как с отечественного, так и с иностранного производства, быстро приобретает громадные богатства и соответствующее им влияние в

обществе и именно поэтому в период цивилизации захватывает все более почетное положение и все более подчиняет себе производство, пока, наконец, сам не создает свой собственный продукт - периодические торговые кризисы».

Вместе с купцами появляются металлические деньги, которые окончательно расслоили общество на класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых.

«Итак, согласно сказанному,- заключает Энгельс, - цивилизация является той ступенью общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе.

Производство на всех предшествовавших ступенях общественного развития было по существу коллективным, равным образом и потребление сводилось к прямому распределению продуктов внутри больших или меньших коммунистических общин. Этот коллективный характер производства осуществлялся в самых узких рамках, но он влек за собой господство производителей над своим производственным процессом и продуктом производства. Они знают, что делается с продуктом: они потребляют его, он не выходит из их рук, и пока производство ведется на этой основе, оно не может перерасти производителей, не может породить таинственные, чуждые им силы, как это постоянно и неизбежно бывает в эпоху цивилизации.

Но в этот производственный процесс медленно проникает разделение труда. Оно подрывает коллективный характер производства и присвоения, оно делает преобладающим правилом присвоение отдельными лицами и вместе с тем порождает обмен между ними... Постепенно товарное производство становится господствующей формой.

При товарном производстве, производстве уже не для собственного потребления, а для обмена, продукты по необходимости переходят из рук в руки. Производитель при обмене отдает свой продукт; он уже не знает, что с ним станет. Когда же в роли посредника между производителями появляются деньги, а вместе с деньгами купец, процесс обмена становится еще запутаннее, конечная судьба продуктов еще неопределеннее. Купцов много, и ни один из них не знает, что делает другой. Товары теперь переходят уже не только из рук в руки, но и с рынка на рынок; производители утратили власть над всем производством условий своей собственной жизни, но эта власть не перешла и к купцам. Продукты и производство попадают во власть случая.

Но случайность - это только один полюс взаимозависимости, другой полюс которой называется необходимостью. В природе, где также как будто господствует случайность, мы давно уже установили в каждой отдельной области внутреннюю необходимость и закономерность, которые пробивают себе дорогу в рамках этой случайности. Но что имеет силу для природы, имеет также силу и для общества. Чем больше какая-нибудь общественная деятельность, целый ряд общественных процессов ускользает из-под сознательного контроля людей, выходит из-под их власти, чем более эта деятельность кажется предоставленной чистой случайности, тем больше с естественной необходимостью пробивают себе дорогу в рамках этой случайности свойственные ей внутренние законы. Такие законы господствуют и над случайностями товарного производства и товарообмена: отдельному производителю и участнику обмена они противостоят как чуждые, вначале даже неведомые силы, природа которых только еще подлежит тщательному изучению и познанию. Эти экономические законы

товарного производства видоизменяются на различных ступенях развития этой формы производства, но в общем и целом весь период цивилизации протекает под знаком их господства. Еще и теперь продукт господствует над производителями, еще и теперь все общественное производство регулируется не согласно сообщу обдуманному плану, а слепыми законами, которые проявляются со стихийной силой, в последней инстанции - в бурях периодических торговых кризисов».

В связи с разделением общества на класс богатых господ эксплуататоров и класс эксплуатируемых рабов и бедняков, который необходимо было держать в узде, дабы он не взбунтовался, возникает государство и публичная (государственная) власть. Появляется прослойка профессиональных оплачиваемых из налогов населения управленцев. Происходит отделение профессионального пожизненного труда государственного чиновника - управленца от управляемых подданных или граждан.

С развитием наук и искусств, появилась прослойка профессионально оплачиваемой интеллигенции, которая занимает промежуточное положение между эксплуататорами и эксплуатируемыми.

Поэтому Энгельс в понятие общественного разделения труда включал разделение труда не только в сфере производства товаров отдельными обособленными производителями, связанными обменом, но и социальную дифференциацию труда на множество пожизненных профессий, обусловленных различными сферами жизни классового общества. Так, он выделял: «управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т.д.». Управление трудом, государственные дела и правосудие возникли и стали развиваться в результате расслоения общества на классы, с появлением государства и публичной власти.

В «Анти-Дюринге» Энгельс писал: «Рядом с этим огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобожденный от непосредственно производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т.д.». (См. Анти-Дюринг. С. 286). До этого в «Капитале» Маркс определил, что постепенно общественное «разделение труда наряду с экономической областью охватывает все другие сферы общества и везде закладывает основу того узкого профессионализма и специализации, того раздробления человека, по поводу которого уже А. Фергюсон, учитель А. Смита, воскликнул: «Мы – нация илотов, и между нами нет свободных людей». (Илоты - в Спарте земледельческая часть населения, собственность государства. Они были прикреплены к земельным участкам). (См. Маркс К. Капитал. Т.1. М. 1973. С. 366).

Итак, согласно марксистской теории возникшее стихийно и исторически меняющееся качественное естественное различие видов полезного труда в обществе относительно самостоятельных товаропроизводителей развилось в многочисленную систему пожизненных профессий, с помощью которых человек добывает себе средства к существованию. Это исторически меняющееся естественное качественное различие видов полезного труда, обусловленного товарным производством и обменом, а соответственно ограничение индивидуума сферой определенной профессии, и называется в марксизме общественным разделением труда. Свою наиболее развитую форму общественное разделение труда приобрело при капитализме.

Разделение труда и развитие товарно-денежного обмена разделило общество на богатых и бедных, на ненавидящие друг друга классы. Опасность гибели общества в борьбе классов повлекла за собой необходимость образования государства и власти, а вместе с ними необходимость дальнейшего разделения труда на труд по управлению трудом и труд управляемый.

Вместе с тем от общественного разделения труда, опосредствованного товарно-денежными отношениями, следует отличать специализацию.

Специализация - это разделение видов полезного труда в зависимости от предмета. Не будучи, опосредствованной товарным производством и обменом, т.е. отношениями частной собственности, специализация теряет содержание общественного разделения труда. Специализация непосредственно выражает прогресс производительных сил и способствует

ему. Многообразие видов труда соответствует степени освоения природы человеком и растет вместе с развитием человека.

В классовых обществах с товарно-денежными отношениями под воздействием закона разделения труда специализация приобретает уродливые формы пожизненно оплачиваемых профессий, с помощью которых человек вынужден добывать средства к существованию. Если в таких обществах человек из эксплуатируемых классов, как узкий специалист включается в экономические отношения как рабочая сила, то в бесклассовом коммунистическом обществе каждый человек с широкой специализацией будет включаться в общественные отношения как личность.

Вот, на мой взгляд, то главное, что необходимо знать коммунистам относительно понятия общественного разделения труда с точки зрения классической марксистской коммунистической теории.

Теперь рассмотрим как основоположники предполагали преодолевать общественное разделение труда в процессе коммунистического развития с тем, чтобы уничтожить отношения частной собственности и ликвидировать классы.

Согласно марксистскому учению общественное разделение труда, а вместе с ним деление общества на классы, преодолевается в ходе революционных коммунистических преобразований.

На смену закону общественного разделения труда, по их мнению, должен придти закон перемены общественного труда.

«Настанет время, - утверждает Энгельс в «Анти-Дюринге» - когда не будет ни тачечников, ни архитекторов по профессии и когда человек, который в течение получаса давал указания как архитектор, будет затем в течение некоторого времени толкать тачку, пока не явится опять необходимость в его деятельности как архитектора». (См. Анти-Дюринг. С. 202).

Иначе считал оппонент Маркса социалист Евгений Дюринг. Он утверждал, что человечество не может существовать без разделения труда.

Энгельс ответил *Дюрингу* следующим образом: **«Уже первое крупное разделение труда – отделение города от деревни – обрекло сельское население на тысячелетия отупения, а горожан – на порабощение каждого его специальным ремеслом. Оно уничтожило основу духовного развития одних и физического развития других.... Вместе с разделением труда разделяется и сам человек. Развитию одной единственной деятельности приносится в жертву все прочие физические и духовные способности. Это калечение человека возрастает в той же мере, в какой растет разделение труда, достигающее своего высшего развития в мануфактуре... В 1-м томе «Капитала» Маркс писал: «Мануфактура уродует рабочего, искусственно культивируя в нем одну только одностороннюю сноровку и подавляя мир его производственных наклонностей и дарований. Сам индивидуум разделяется, превращается в автоматическое орудие данной частичной работы»... Машины, применяемые в крупной промышленности, низводят рабочего от положения машины до роли простого придатка к ней. «Пожизненная специальность – управлять частичным орудием, превращается в пожизненную специальность – служить частичной машине. Машиной злоупотребляют для того, чтобы самого рабочего превратить с детского возраста в часть частичной машины». («Капитал» – См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. Изд.2.Т.23.С.433).**

Далее Энгельс отмечает, что еще социалисты – утописты Фурье и Оуэн требовали *«уничтожения противоположности между городом и деревней как первого и основного условия для уничтожения старого разделения труда вообще»*. Оба они полагали необходимым, **«чтобы и в земледелии и в промышленности существовало возможно большее чередование занятий для каждого отдельного лица и чтобы, сообразно с этим, юношество подготавливалось воспитанием к возможно более всесторонней технической деятельности. Согласно взгляду обоих, человек должен всесторонне развивать свои способности путем всесторонней практической деятельности, и труд должен вновь вернуть себе утраченную вследствие его разделения привлекательность – прежде всего посредством указанного чередования**

занятий и соответствующей этому небольшой продолжительности «сеанса...», посвящаемого каждой отдельной работе. Оба названных утописта, - пишет Энгельс, - стоят неизмеримо выше унаследованного Дюрингом способа мышления эксплуататорских классов, согласно которому противоположность между городом и деревней неустранима по самой природе вещей. Согласно этому ограниченному способу мышления, известное количество «существ» должно остаться при всех условиях обреченным на то, чтобы производить один вид продуктов: таким путем хотят увековечить существование экономических разновидностей» людей, различающихся по своему образу жизни, - людей, испытывающих удовольствие от того, что они занимаются именно этим, и никаким иным, делом, и, следовательно, так глубоко опустившихся, что они радуются своему собственному порабощению, своему превращению в одностороннее существо...».

Дюринг утверждал: «Разделение труда: расчленение профессий и разделение деятельностей повышает производительность труда». На это Энгельс отвечал, что «уничтожение старого разделения труда отнюдь не является таким требованием, которое может быть осуществлено лишь в ущерб производительности труда. Напротив, благодаря крупной промышленности оно стало условием самого производства».

Далее Энгельс приводит доводы Маркса из 1 тома Капитала: « Машинное производство уничтожает необходимость мануфактурно закреплять распределение групп рабочих между различными машинами, прикреплять одних и тех же рабочих навсегда к одним и тем же функциям. Так как движение фабрики в целом исходит не от рабочего, а от машины, то здесь может совершаться постоянная смена персонала, не вызывая перерывов процесса труда.... Наконец, та быстрота, с которой человек в юношеском возрасте научается работать при машине, в свою очередь устраняет необходимость воспитывать особую категорию исключительно машинных рабочих». Но в то время как капиталистический способ применения машин вынужден сохранять и дальше старое разделение труда с его окостенелыми частичными функциями, несмотря на то, что оно стало технически излишним, - сами машины восстают против этого анахронизма. Технический базис крупной промышленности революционен. «Посредством внедрения машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных комбинациях процесса труда. Тем самым она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую. Поэтому природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего...».

Маркс убедительно обосновал необходимость смены закона общественного разделения труда законом перемены общественного труда. Он разъяснял, что сама крупная промышленность ставит задачу ликвидировать безработицу, заменить резервного рабочего (безработного) всесторонне развитой личностью для исполнения (в условиях действия закона перемены общественного труда) различных общественных функций в интересах всех. «Но если перемена труда, - писал Маркс, - теперь прокладывает себе путь только как непреодолимый естественный закон и со слепой разрушительной силой естественного закона, который повсюду наталкивается на препятствие, то, с другой стороны, сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения. Она, как вопрос жизни и смерти ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности». (См. Маркс. К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 23. С. 498-499).

По Марксу, личность «профессионального кретина» должна сменить всесторонне развитая «тотальная» личность.

В этой связи вряд ли можно не согласиться с современным украинским марксистом Борисом Габруком, который справедливо отмечает, что «индустриализация промышленного производства, чем вынуждена была заниматься молодая Республика Советов, сама по себе не является непосредственно коммунистическим преобразованием общества и не выходит за рамки существующего буржуазного общественного разделения труда, в основе которого лежит воспроизводство личности «профессионального кретина» (Маркс). Именно «профессиональный кретинизм» - это и есть та частная собственность на человеческие способности, которая воспроизводится ежеминутно, ежедневно в условиях разделения труда... Помимо того, что личность «профессионала производства» является лишь исполнителем той или иной воли в политике, «винтиком системы», есть еще одно «но». Воображение, мышление и способ деятельности такой личности в рамках самой производственной деятельности подчинены решению не общих, а, в конечном итоге, частных, т.е. узкопрофессиональных задач. А там – как карта ляжет...

Поэтому когда коммунисты задаются себе задачей поиском частной собственности и капиталистов при социализме, откуда они взялись, из какого класса вылезли из какой прослойки – из номенклатуры или из криминала, из цеховиков или Дева Мария их родила, они ищут вовсе не там. Ответ – из общественного разделения труда. Частная собственность никуда не девается при социализме. И воспроизводится вместе с общественным разделением труда, проявлением которого и есть профессиональный кретинизм, т.е. частная собственность на человеческую деятельность, и свойственна она как профессору или директору производства, так и токарю, и колхознику одновременно, а также «профессиональным» партработникам, членам правительства и остальным государственным служащим... (См. Борис Габрук Оппортунизм Троцкого и Сталина. Крамольные идеи о старой большевистской коммунистической гвардии / 29.09.2007. О гуманизме Дзержинского).

Соглашаясь с Гобруком, однако необходимо иметь в виду, что по другому в советской системе социализма не могло и быть, так как уровень развития советских производительных сил и советского производства не давал возможности преодолеть общественное разделение труда.

Но вернемся к Марксу. Касаясь преодоления общественного разделения труда и воспитания всесторонне развитой личности, Маркс разъяснял: **«Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства, – при соответствующих условиях неизбежно должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития».** Маркс пишет далее, что **«зародыши воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей».** (См. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 23. С. 500-501).

Он критиковал составителей Готской программы за выдвинутое ими требование полного запрещения детского труда не зависимо от возраста. Он указывал: **« Полное запрещение детского труда несовместимо с существованием крупной промышленности и поэтому является пустым благочестивым пожеланием. Проведение этой меры,- если бы оно было возможно,- было бы реакционно, так как при строгом регулировании рабочего времени сообразно с различным возрастом и при прочих предупредительных мерах для защиты детей раннее соединение производительного труда с обучением является одним из могущественнейших средств переустройства современного общества».**

В свою очередь Энгельс утверждал, что старое капиталистического разделения труда должно исчезнуть. **«На его место, пишет он, - должна вступить такая организация производства, где, с одной стороны, никто не мог бы свалить на других свою долю участия в производительном труде, этом естественном условии человеческого**

существования, и где, с другой стороны, производительный труд, вместо того чтобы быть средством порабощения людей, стал бы средством их освобождения, представляя каждому возможность развивать во всех направлениях и действительно проявлять все свои способности, как физические, так и духовные, – где, следовательно, производительный труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение». (См. Анти-Дюринг. С. 298).

Марксистское учение исходит из того, что преодоление разделения труда должно начинаться с планомерного устранения противоположности между городом и деревней. Объединение в единый механизм промышленного и сельскохозяйственного производства путем создания агропромышленных комплексов с автоматизацией производственных процессов и строительством небольших современных городов с соответствующей инфраструктурой устраняет разделение городского и деревенского труда, различия в жизни городского и сельского населения. И вообще тогда производство приближается к местам добычи сырья и топлива, что уменьшает необходимость их перевозки. Равномерное рассредоточение промышленности и населения по небольшим городам с объединенным аграрным и промышленным производством разрешает противоречия между городом и деревней, устраняет неравенство в условиях быта, решает проблемы защиты окружающей среды и гигиены.

Маркс и Энгельс считали, что «концентрация в городах является основным условием капиталистического производства».

Согласно марксистским исследованиям «уничтожение противоположности между городом и деревней не только возможно, - оно стало прямой необходимостью для самого промышленного производства, как и для производства сельскохозяйственного, и, сверх того, оно необходимо в интересах общественной гигиены. Только путем слияния города и деревни можно устранить нынешнее отравление воздуха, воды и почвы...

Капиталистическая промышленность уже стала относительно независимой от узких рамок местного производства необходимых ей сырых материалов...

Следовательно, уничтожение разрыва между городом и деревней не представляет собой утопию также и со стороны, с которой условием его является возможно более равномерное распределение крупной промышленности по всей стране...

«Правда, в лице крупных городов, отмечает Энгельс, – цивилизация оставила нам такое наследие, избавиться от которого будет стоить много времени и усилий. Но они должны быть устранены – и будут устранены, хотя бы это был очень продолжительный процесс». (См. Анти-Дюринг. С. С. 297- 301).

По мнению многих исследователей, современное развитие производительных сил уже сегодня позволяет рабочее время каждого довести до минимальных размеров. Тогда человек получает возможность в освободившееся от производительного труда время разносторонне развивать свои способности. Применительно к господствующим странам капитала Энгельс к такому выводу пришел уже в 70-х годах XIX века. В «Анти-Дюринге» он писал: «Все это в настоящее время уже отнюдь не фантазия и не благочестивое пожелание. При современном развитии производительных сил достаточно уже того увеличения производства, которое будет вызвано самим фактом обобществления производительных сил, достаточно одного устранения проистекающих из капиталистического способа производства затруднений и помех, расточения продуктов и средств производства, чтобы, при всеобщем участии в труде рабочее время каждого было доведено до незначительных, по нынешним представлениям, размеров» (См. там же). Однако следует еще раз подчеркнуть, что марксизм все это ставил в зависимость от уровня развития производительных сил, ориентируясь на передовые страны Западной Европы и США. Будучи всемирно-историческим учением, Марксизм отрицает возможность успешных коммунистических преобразований в отдельно взятой, отсталой стране.

«Развитие разделения труда и применение машин, – ныне справедливо утверждает современный марксист В. Шапинов, – свели любую рабочую профессию к сумме мелких операций, которые не требуют уже того умения и сноровки, как ремесленный труд. Эти

операции способен выполнять каждый, не будучи рабочим по профессии, то есть, не проводя годами 8-12 часов в день за монотонным занятием. Если разделить всю сумму труда рабочих профессий на все общество, то получится, что заниматься «рабочим» трудом каждый должен 2-3 часа в день или 1 день в неделю. Остальное время социалистический человек сможет посвящать управлению обществом, наукам, искусству, то есть тому, что сегодня является привилегией немногих профессионалов». (См. Шапинов В. Революция: демократическая или социалистическая. Правда-инфо. Май 2005 г. <http://www.comunist.ru/root>). Вряд ли, конечно, научно состоятельно называть человека в таких экономических условиях «социалистическим», а вот коммунистическим, безусловно, было бы правильнее.

Итак, согласно классической марксистской теории коммунизма преодоление действия закона общественного разделения труда при условии развившихся производительных сил начинается с устранения различий в городском и деревенском труде. Одновременно устраняются различия в умственном и физическом труде. Происходит их чередование. Постепенно закон общественного разделения труда сменяется коммунистическим законом перемены общественного труда.

С преодолением общественного разделения труда и обмена, ликвидируются условия для развития отношения частной собственности, а вместе с ними уходят в небытие и классовые различия. «Но если разделение на классы, – пишет Энгельс, – имеет, таким образом, известное историческое оправдание, то оно имеет его лишь для известного периода и при известных исторических условиях. Оно обуславливалось недостаточностью производства и будет уничтожено полным развитием современных производительных сил. И действительно, упразднение общественных классов предполагает достижение такой ступени исторического развития, на которой является анахронизмом, выступает как отжившее не только существование того или другого определенного господствующего класса, но и какого бы то ни было господствующего класса вообще, а, следовательно, и самое деление на классы. Следовательно, упразднение классов предполагает такую высокую ступень развития производства, на которой присвоение особым общественным классом средств производства и продуктов, – а с ними и политического господства, монополии образования и духовного руководства, – не только становится излишним, но и является препятствием для экономического, политического и интеллектуального развития. Эта ступень теперь достигнута. Политическое и интеллектуальное банкротство буржуазии едва ли составляет тайну даже для нее самой, а ее экономическое банкротство повторяется регулярно каждые десять лет». (См. Анти - Дюринг. С. 286).

А до этого в «Критике Готской программы» Маркс написал: «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!

Выводы:

- 1. В основе деления общества на классы эксплуататоров и эксплуатируемых лежит закон общественного разделения труда.**
- 2. Под общественным разделением труда в марксизме понимается исторически меняющееся качественное естественное различие видов полезного труда в обществе и соответственно ограничение индивидуума сферой определенной профессии, обусловленной товарным производством и обменом.**
- 3. Постепенно общественное разделение труда наряду с экономической областью охватило все другие сферы общества, в том числе сферу управления. Свою наиболее развитую форму общественное разделение труда приобрело при капитализме.**

4. Вместе с разделением труда появилось и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом.

5. Коммунизм идет на смену капитализму через преодоление противоположности между городом и деревней, между промышленным и сельскохозяйственным трудом, умственным и физическим трудом, трудом творческим и рутинным, управленческим и управляемым путем соединения умственного и физического труда, замены действия закона общественного разделения труда законом перемены общественного труда.

6. Согласно марксистскому учению общественное разделение труда, опосредствованное товарным производством и обменом, в ходе мировых революционных коммунистических преобразований преодолеваются путем:

а) дальнейшего развития производительных сил, информатизации производства и управления, формирования всесторонне развитой личности с широкой специализацией, ликвидации пожизненных оплачиваемых профессий;

б) слияния городского и сельского труда и как следствие ликвидации товарного производства и обмена;

в) ликвидации различий в условиях жизни в больших, средних и малых городах, развития не больших, а малых и средних городов, приближенных к источникам сырья;

г) ликвидации разделения управленческого и управляемого труда.

7. От общественного разделения труда, опосредствованного товарно-денежными отношениями, следует отличать специализацию.

Специализация - это разделение видов полезного труда в зависимости от предмета. Не будучи, опосредствованной товарным производством и обменом, т.е. отношениями частной собственности, специализация теряет содержание общественного разделения труда. Специализация непосредственно выражает прогресс производительных сил и способствует ему. Многообразие видов труда соответствует степени освоения природы человеком и растет вместе с развитием человека.

В классовых обществах с товарно-денежными отношениями под воздействием закона разделения труда узкая специализация приобретает уродливые формы пожизненно оплачиваемых профессий, с помощью которых человек вынужден добывать средства к существованию. Если в таких обществах человек из эксплуатируемых классов, как узкий специалист включается в экономические отношения как рабочая сила, то в бесклассовом коммунистическом обществе каждый человек с широкой специализацией будет включаться в общественные отношения как личность. При коммунизме на смену узкой специализации индивида должна придти специализация широкая.

4.12. 2009 г.